

Посвящается Майклу, сносящему стены.

Данный роман — вымысел. Персонажи, события и диалоги порождены воображением автора, а не списаны с реальности. Всякое сходство с реальными событиями или людьми, как живыми, так и покойными, случайно.

Обитателям Портленда, Мэйна и окрестностей: пожалуйста, извините меня за то, что я сделала из ваших чудесных мест.

Мне снова стал сниться Портленд.

С тех пор как Алекс вернулся, воскрес, но при этом изменился до неузнаваемости, изменился ужасно, словно чудовище из страшилок, которые мы любили рассказывать в детстве, прошлое тоже вернулось. Оно просочилось сквозь трещины, пока мне было не до него, и жадно вцепилось в меня.

Вот о чем меня предупреждали все эти годы — о тяжести в груди, о кошмарах, что преследуют тебя даже во время бодрствования.

«Я тебя предупреждала», — слышится у меня в сознании голос тети Кэрол.

«Мы тебе говорили», — произносит Рэйчел.

«Лучше бы ты осталась!» — это Хана, дотянувшись сквозь время, сквозь затянутые туманом воспоминания, подает мне, тонущей, невесомую руку.

На север из Нью-Йорка нас выступает около двух дюжин: Рэйвен, Тэк, Джулиан и я, а еще Дэни, Гордо, Пайк и еще человек пятнадцать, по большей части помалкивающих и исполняющих приказы.

И Алекс. Но не мой Алекс — незнакомец, который никогда не улыбается, не смеется и почти не разговаривает.

Остальные, кому хоумстидом служил пакгауз у Уайт-Плейнс, разошлись на юг и на запад. Но теперь, несомненно, пакгауз полностью разорен и заброшен. Там теперь небезопасно после спасения Джулиана. Джулиан Файнмен — символ, важный символ. Зомби будут преследовать его. Они пожелают вздернуть этот символ и заставить его истечь кровью, чтобы остальным неповадно было.

Нам придется проявлять максимальную осторожность.

Хантер, Брэм, Ла и еще несколько членов старого Рочестерского хоумстида ждут нас к югу от Поукипси. Чтобы преодолеть это расстояние, нам потребовалось почти трое суток: пришлось обойти с полдюсятка населенных городов.

А потом внезапно мы добираемся. Лес просто обрывается на краю огромного пространства из бетона, заплетенного сетью трещин, на котором до сих пор виднеются призрачные белые контуры парковок. На них по-прежнему стоят многочисленные машины, проржавевшие, лишённые множества частей — резиновых покрышек, металлических деталей. Они кажутся маленькими и немного смешными, словно брошенные ребенком старые игрушки.

Старые парковки растекаются во все стороны, словно серая вода, и тянутся как минимум до огромной постройки из стекла и стали — старого торгового центра. На вывеске, заляпанной птичьим пометом,

причудливым рукописным шрифтом выведено: «Эмпайр Стейт Плаза Молл».

Воссоединение проходит радостно. Тэк, Рэйвен и я срываемся на бег. Брэм с Хантером тоже мчатся, и мы встречаемся посреди парковок. Я хохоча напрыгиваю на Хантера, а он обхватывает меня и поднимает. Все вопят и говорят одновременно.

В конце концов Хантер ставит меня наземь, но я продолжаю обнимать его одной рукой, словно он может исчезнуть. Второй рукой я обхватываю Брэма, пожимающего руку Тэку, и как-то так получается, что мы, вопя и подпрыгивая, образуем кучу-малу, переплетение тел в ослепительном солнечном свете.

— Так-так-так. — Мы отодвигаемся друг от дружки, оборачиваемся и видим, что к нам неспешно идет Ла, подняв брови. Она отпустила волосы и зачесала их так, чтобы они падали на плечи. — И кого ж тут принесло?

И я впервые за много дней чувствую себя счастливой.

За те недолгие месяцы, что мы провели врозь, Хантер и Брэм сильно изменились. Брэм, как ни странно, сделался массивнее. У Хантера появились новые морщинки в уголках глаз, но улыбка осталась, как всегда, ребячливой.

— Как Сара? — спрашиваю я. — Она здесь?

— Сара осталась в Мэриленде, — сообщает Хантер. — Тамошний хоумстид надежен, и она не захотела мигрировать. Соппротивление пытается передать весточку ее сестре.

— А Грэндпа и остальные? — У меня перехватывает

дыхание, и что-то сдавливает грудь, как будто меня по-прежнему стискивают в объятиях.

Брэм с Хантером переглядываются.

— Грэндпа не дошел, — коротко бросает Хантер. — Мы похоронили его под Балтимором.

Рэйвен отводит взгляд и сплевывает на асфальт.

— С остальными все в порядке, — поспешно добавляет Брэм. Он проводит пальцем по моему шраму исцеленного, тому самому, который он помогал подделать перед моим вступлением в сопротивление. — Неплохо выглядит, — говорит он и подмигивает.

Мы решаем разбить лагерь для ночевки. Здесь есть чистая вода неподалеку от старой мельницы, а развалины домов и бизнес-центров скрывают много полезного: среди щебня до сих пор можно найти банки консервов, заржавевшие инструменты, а Хантер даже отыскивает ружье. Оно до сих пор висело на перевернутых оленьих рогах, обильно покрытое осыпавшейся штукатуркой. А Хенли, невысокую, тихую женщину с длинными седыми волосами из нашей группы, начинает лихорадить. Ее оставляют отдыхать.

К концу дня вспыхивает спор о том, куда идти.

— Можно и разделиться, — говорит Рэйвен. Она сидит у ямы, которую расчистила под костер, и подкармливает первые язычки пламени обугленным концом палки.

— Чем больше группа, тем безопаснее, — возражает Тэк. Он снял флиску и остался в футболке, и перебитые мускулами руки оказались на виду. Дни постепенно становятся теплее, и лес начинает пробуждаться.

Мы чувствуем приближение весны, подобно зверю, что ворочается во сне, жарко дыша.

Но сейчас, когда солнце село, Дикие земли поглотили длинные фиолетовые тени, и мы перестали двигаться, становится холодно. По ночам до сих пор подмораживает.

— Лина! — окликает меня Рэйвен. Я смотрю на разгорающийся костер, на то, как огонь вьется вокруг сосновых иголок, тоненьких веточек и ломких листьев. — Сходи проверь палатки, ладно? Скоро стемнеет.

Рэйвен развела костер в неглубоком овражке — наверное, здесь когда-то тек ручей, — он должен хотя бы отчасти защищать огонь от ветра. Она не стала устраивать лагерь слишком близко к торговому центру и его часто посещаемым окрестностям. Торговый центр высится за строем деревьев — искореженный черный металл и пустые окна, — словно инопланетный космический корабль. На насыпи, ярдах в десяти от костра, Джулиан помогает ставить палатки. Он стоит спиной ко мне. На нем тоже только футболка. Он провел всего три дня в Диких землях, и все-таки они уже успели изменить его. Волосы Джулиана спутаны, и над левым ухом торчит застрявший в них лист. Джулиан выглядит более худощавым, хотя никак не мог похудеть за это время. Просто таков эффект пребывания здесь, под открытым небом, в трофейной, не по размеру большой одежде, в окружении глухомани, постоянно напоминающей о хрупкости нашего бытия.

Джулиан привязывает веревку к дереву и натягивает потуже. Наши палатки старые; они постоянно рвутся, и их приходится чинить. Они не стоят сами по

себе. Их нужно ставить на колья, натягивать между деревьями и долго обихаживать, словно паруса на ветру.

Рядом с Джулианом возвышается Гордо и терпеливо ждет.

Я останавливаюсь в нескольких футах от них.

— Помощь нужна?

Джулиан с Гордо оборачиваются.

— Лина!

Джулиан радостно улыбается, но тут же опять снижает голову, поняв, что я не собираюсь подходить ближе. Я привела его сюда, в это странное новое место, и теперь мне нечего ему дать.

— Да нет, мы справимся, — отзывается Гордо. Волосы у него ярко-рыжие, и хотя он не старше Тэка, его борода достает до середины груди. — Сейчас уже закончим.

Джулиан выпрямляется и вытирает ладони о джинсы. Он колеблется, потом соскакивает с насыпи и идет ко мне, на ходу заправляя прядь волос за ухо.

— Сейчас холодно, — произносит он, когда до меня остается несколько шагов. — Ты бы лучше вернулась к костру.

— Я не мерзну, — возражаю я, но прячу руки в рукава ветронепроницаемой куртки. Холод терзает меня изнутри. И костер тут ничем не поможет. — А палатки неплохо смотрятся.

— Спасибо. Кажется, я уже набил руку. — Он улыбается одними губами — до глаз улыбка не добирается.

Три дня. Три дня напряженных разговоров и молчания. Я знаю, что Джулиан не может понять, что изменилось и можно ли сделать так, чтобы все было, как

раньше. Я знаю, что причиняю ему боль. Что существуют вопросы, которые он заставляет себя не задавать, и вещи, которые он изо всех сил старается не говорить.

Он дает мне время. Он терпелив и благороден.

— Ты очень красиво смотришься в этом освещении, — произносит Джулиан.

— Ты никак ослеп. — Я хочу, чтобы это прозвучало как шутка, но голос мой звучит резко в разреженном воздухе.

Джулиан качает головой, хмурится и отворачивается. Ярко-желтый листок все еще торчит у него в волосах, за ухом. Мне отчаянно хочется протянуть руку и вынуть этот листик, а потом запустить пальцы в волосы Джулиана и засмеяться вместе с ним. «Вот это и есть Дикие земли, — сказала бы я. — Ты когда-нибудь мог себе такое представить?» А он запустил бы пальцы в мои волосы и сказал: «И что бы я без тебя делал?»

Но я не могу заставить себя пошевелиться.

— У тебя лист в волосах.

— Что? — Джулиан вздрагивает, словно я вырвала его из мечтаний.

— Лист. У тебя в волосах.

Джулиан нетерпеливо проводит рукой по голове.

— Лина, я...

От грохота выстрела мы оба подпрыгиваем. С деревьев за спиной у Джулиана взлетают птицы, на миг заслонив собою небо, прежде чем рассыпаться на отдельные силуэты. У кого-то вырывается ругательство.

Из-за деревьев за палатками выходят Дэни и Алекс. Оба с ружьями на плече.

Гордо выпрямляется и интересуется:

— Олень?

Уже почти стемнело. Волосы Алекса кажутся практически черными.

— Крупновато для оленя, — отзывается Дэни. Это крупная, широкоплечая женщина с высоким лбом и миндалевидными глазами. Она напоминает мне Мияко, умершую прошлой зимой, еще до того, как мы отправились на юг. Мы похоронили ее холодным днем, как раз накануне первого снега.

— Медведь? — уточняет Гордо.

— Может быть, — коротко отвечает Дэни. Дэни порезче Мияко. Она позволила Диким землям сточить ее до стальной основы.

— И как, вы попали? — излишне нетерпеливо спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Но мне хочется, чтобы Алекс посмотрел на меня, заговорил со мной.

— Разве что зацепили, — сообщает Дэни. — Трудно сказать. Но в любом случае недостаточно, чтобы обновить.

Алекс ничего не говорит и вообще никак не дает понять, что заметил мое присутствие. Он так и продолжает шагать через поставленные палатки, мимо нас с Джулианом, так близко, что мне чудится, будто я чувствую его запах — прежний запах травы и высушенного солнцем дерева, запах Портленда, от которого мне хочется расплакаться, уткнуться лицом в грудь Алексу и вдыхать, вдыхать этот запах...

А потом он начинает спускаться с насыпи, и тут до нас долетает голос Рэйвен:

— Ужин готов! Идите есть или останетесь в пролете!

— Пойдем, — зовет Джулиан и касается моего локтя. Бережно, терпеливо.

Я разворачиваюсь, и ноги несут меня вниз с насыпи, к костру, ныне ярко пылающему, к парню, что превратился в тень у костра, полускрытую дымом. Вот чем теперь сделался Алекс — тенью, иллюзией.

За три дня он так и не заговаривает со мной и ни разу не смотрит в мою сторону.